



АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 930.23

DOI 10.52575/2687-0967-2021-48-4-827-838

Русские «послы» X в.: скандинавы или франки?

Виноградов А.Е.

Независимый исследователь,

119313, Москва, Россия

E-mail: alwynor@mail.ru

Аннотация. Имена представителей древнерусской элиты, указанные в договорах с Византией X в., в подавляющем большинстве этимологизируются исследователями как скандинавские, что, в свою очередь, является серьезным аргументом в пользу норманнской теории происхождения Руси. Такие этимологические приоритеты противоречат убедительному антропонимическому материалу иного этнического происхождения. Представленные в договорах списки личных имен носят, с одной стороны, более интернациональный характер, что отвечало ситуации интенсивных межэтнических контактов в балтийском регионе в указанное время. С другой стороны, за скандинавские имена зачастую принимаются либо общегерманские, либо старонемецкие антропонимы, а также, возможно, соционимы. Появление в договорах ряда имен предположительно латинского происхождения, а также исторические данные, сближающие Древнюю Русь с «варварскими» королевствами Западной Европы и Каролингской империей, свидетельствуют о том, что этнокультурные истоки самой Руси находились скорее вне Скандинавии.

Ключевые слова: Древняя Русь, норманнская теория, антропонимия, империя Карла Великого, франки, Византия.

Для цитирования: Виноградов А.Е. 2021. Русские «послы» X в.: скандинавы или франки? Via in tempore. История Политология. 48 (4): 827-838. DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-827-838.

Russian «ambassadors» of the 10th century: Scandinavians or Franks?

Aleksey E. Vinogradov

Independent researcher,

Moscow, 119313, Russian Federation

E-mail: alwynor@mail.ru

Abstract. The names of the representatives of the Old Russian elite, presented in the treaties with Byzantium of the 10th century, are overwhelmingly etymologized by researchers as Scandinavian, which in turn is a serious argument in favor of the Norman theory of the origin of Russia. Such etymological priorities contradict convincing anthroponymic material of a different ethnic origin. The lists of personal names presented in the treaties are, on the one hand, more international in nature, which corresponded to the situation of intensive interethnic contacts in the Baltic region at that time. On the other hand, Scandinavian names are often taken as either common German or Old German anthroponyms, or possibly socionyms. The appearance in the treaties of a number of names presumably of Latin origin, as well as historical data bringing Ancient Rus closer to the «barbarian» kingdoms of Western Europe and the Carolingian Empire, indicate that the ethnocultural origins of Rus itself were rather outside Scandinavia.



Key words: Ancient Russia, Norman theory, anthroponymy, Charlemagne's empire, Franks, Byzantium.

For citation: Vinogradov A.E. 2021. Russian «ambassadors» of the 10th century: Scandinavians or Franks? *Via in tempore. History and political science.* 48 (4): 827–838 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-4-827-838.

Введение

Древнерусская антропонимия IX–XI вв. давно является предметом серьезных историко-лингвистических споров, связанных с той или иной точкой зрения на происхождение Руси. Особенно значительное внимание этой теме уделяют сторонники норманнской версии: якобы скандинавское происхождение большинства имен фигурантов летописной истории IX–X вв. для многих исследователей является аксиомой. Так, норманнский характер антропонимов первых князей, по Е.В. Пчелову, «однозначно подтверждается иностранными источниками», а «имя Рюрик, как известно (курсив мой – А.В.), представляет собой скандинавское *Нгоегекр*» [Пчелов, 2020, с. 308]. Через скандинавскую призму ряд исследователей начиная с XIX в. рассматривает даже, казалось бы, давно и хорошо знакомые в римской, ближневосточной, а затем и общехристианской истории антропонимы как *Аффрикан* и *Шимон*, пытаясь представить соответствующие имена в контексте варягов как искаженные древнерусскими летописцами норманнские *Alfrikr* (*Alfrekr*) и *Sigmundr* [Михеев, 2008, с. 31–32].

Наиболее часто объектом этих историко-антропонимических изысканий становятся имена «русских» фигурантов русско-византийских договоров, прежде всего наиболее репрезентативных в этом смысле – 911 и 944 гг., т. е. имен князей, бояр, «от рода Русаго съли и гостье», купцов (купец), а также имена тех лиц, интересы которых они представляют.

В. Томсен объяснил подавляющее большинство этих имен из древнескандинавского или старосведского языков [Thomsen, 1879, s. 74–77]. Е.А. Мельникова, развивая идеи датского филолога, пришла к выводу, что среди 15 «русских» антропонимов, упомянутых в 911 г., 13 являются скандинавскими, из 49 проанализированных имен договора 944 г. соответствующее происхождение предположительно имеют 29 [Melnikova, 2004, p. 15–17]. П.С. Стефанович полностью согласен с первой оценкой, что касается следующего по времени списка, то, по его мнению, из того же проанализированного числа такие антропонимы носили в общей сложности от 34 до 38 человек [Стефанович, 2013, с. 30]. В свою очередь, С.Л. Николаев приписывает норманнское происхождение всем именам, упомянутым в указанных договорах, кроме *Сватославъ*, *Предслава*, *Володиславъ*, *Боричъ*, а также еще пяти антропонимов, которые, на его взгляд, не имеют надежной, в том числе скандинавской этимологии [Николаев, 2017, с. 26]. А.В. Циммерлинг считает, что в договоре 911 г. все послы Руси «имеют скандинавские имена», а из 75 антропонимов, упомянутых в договоре 944 г., 67 «этимологизируются на скандинавском материале» [Циммерлинг, 2012, с. 2].

Идея о преимущественно или даже подавляюще скандинавском характере имен договоров продолжает постулироваться и в западно-, и центральноевропейской научной литературе [Panzer, 2002, p. 1041] [Duczko, 2010, s. 291–298].

Объекты и методы исследования

Вместе с тем торжество версии В. Томсена неочевидно даже для его последователей. Так, С.Л. Николаев вынужден был констатировать, что имена «русских» фигурантов договоров являются нетипичными для известного древнескандинавского антропонимикона. И наречие, на котором говорили эти фигуранты, или «русско-варяжский диалект» было особенным. Этот диалект, по предположению исследователя, «мог длительное время

развиваться где-то на полпути из Скандинавии в Восточную Европу», т.к. различные признаки указывают на его «раннее отделение» (около VI-VII вв.) и «длительную изоляцию от остальных северогерманских языков» [Николаев, 2017, с. 27].

Некоторый антропонимический материал договоров даже сторонниками норманнской версии признается вообще нескандинавским: помимо славянских им является небольшое число антропонимов предположительно финского либо неизвестного происхождения [Melnikova, 2004, p. 17]. Часть исследователей склонна существенно увеличить долю нескандинавских имен в указанном контексте, отмечая, что огромный и прекрасно изученный скандинавский антропонимикон дает большое число приблизительных совпадений преимущественно за счет большой базы. На самом деле менее исследованные именованные также дают пищу для размышлений. Н.И. Костомаров искал в списках 911 и 944 гг. балтийские аналогии [Костомаров, 1860, с. 15–17]. В свою очередь, А.Г. Кузьмин пытался найти там не только балтийские, славянские и западнофинские, но и вероятные кельтские, фракийские, венецо-иллирийские, иранские имена [Кузьмин, 2003, с. 319–329].

На наш взгляд, интернационализм древнерусского антропонимикона сам по себе не противоречит картине «этно-культурной диффузии» на раннесредневековой Балтике [Кулаков, 2003, с. 132], рисуемой археологами. Вместе с тем, по нашему мнению, предположения о значительной этнической пестроте указанной группы имен должны иметь концептуальное оформление, иначе говоря, указания, на чем основывался союз столь разнородных и столь удаленных по своему ареалу этнических групп. При этом, например, ссылки на финский характер некоторых антропонимов, восходящие, как правило, к версии карельского этнографа В. Крохина [Крохин, 1930], выглядят малоубедительно, а возможность совмещения в одном списке кельтского, фракийского, венецо-иллирийского и иранского именованных требует серьезных дополнительных пояснений.

При этом, безусловно, ряд имен из договоров имеет если не 100 % балтийское прочтение, то во всяком случае балтийские (др.-прусс. или литовские) аналогии: *Слуды* (Sloyde), *Тилень* (Tylenis), *Акунь*, *Якунь* (Jackunes), *Стегги* (Steige), *Етон-овъ* (Eytune), *Каршевь* (Karsow), Улѣбъ (др.-прусс. Auleps, этимология последнего не ясна). К балтийскому материалу могут относиться и имена или прозвища этногеографического происхождения *Ятвягъ* (*Явтягъ*), *Либидарь*, т.е. относящийся к племени ливов – последнюю трактовку допускает и Е.А.Мельникова [Melnikova, 2004, p. 17]. Впрочем, и упомянутый Каршевь также может относиться к Карсовии (область в низовьях Немана). Все это соответствует основанной на археологическом материале версии В.И. Кулакова, согласно которой балты явились важной составной частью «военно-торговой корпорации Русь», которая в раннем средневековье проложила торговые пути с севера на юг Восточной Европы, а затем способствовала началу Русского государства [Кулаков, 1999, с. 150].

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на довольно значительное число имен, которые могут встречаться в романском (включая народно-латинские и латинизированные греческие и др. имена).

По нашему мнению, значительное число таких параллелей может быть обусловлено серьезным латинским влиянием на генезис и становление ранней Руси [Виноградов, 2020a], [Виноградов, 2020б]. В то же время нельзя исключать и появления под русско-византийскими договорами с русской стороны и некоторых имен, которые читаются скорее в греческом, чем в скандинавском или ином ключе: Тудор-овъ (Тудор, Тодор, балканская форма имени Феодор), Стемидъ (Σταμίτος). Как и в случае с античным антропонимом Σθενελίδος, практически идеально совпадающим с именем русского воеводы Свенельда, их появление в данном контексте могло быть сопряжено с интенсификацией русско-византийских контактов в IX–X вв. и культурным влиянием Византии.



Таблица 1
 Table 1

Возможные латинские имена из русско-византийских договоров
 Possible Latin Names from Russian-Byzantine Treaties

ПВЛ	Скандинавская параллель	Латинская параллель
Улѣбъ	Oláfr, Oleifrfr	Ulpus
Фостъ, Фаст (-овъ)	Fasti	Faustus
Прастѣнь		Prastina
Актеву		Octavius
Моны	Máni	Manus, Mano
Фрутанъ	*Fróðun(n)	Frontonius
Гомоль	Gamall	Homolius, Homulo
Коль	Kolr	Coll, Col [Dictionnaire historique; p. 60–61, 302, 523–527, 713–724]
Каницаръ, *Кани, А[нцѣв]аръ	Kani (прозвище), Antswar Answar	Canizarres, Canizarro (прозвище)
Карнь	Kárn	Carnus
Кары	Kári	Carius
Евлиск-овъ		Eulsius
Истръ		Hister
Руаръ	Hróarr/Hróarr	Ruarius (прозвище)

Все это не опровергает вывод о германском происхождении основного корпуса имен русско-византийских договоров, хотя и может представить, на наш взгляд, указанный факт несколько в ином свете. В частности, латинский характер ряда антропонимов может свидетельствовать скорее о континентальном характере отмеченного в договорах «рода Руссаго», т. к. территории севернее Германии в IX – первой половине X в. были почти не подвержены романскому влиянию. При этом еще М.А. Максимович отмечал, что скандинавская трактовка германских имен договоров не единственная: имена доверителей и послов «не только норманские, но и немецкие» [Максимович, 1841, с. 205]. Позже эту мысль развивал А.А. Романчук, указавший на то, что в раннем древнерусском летописном антропонимиконе, в т. ч. представленном в договоре 911 г., нет ни одного имени из числа наиболее распространенных в то время в Скандинавии. При этом ряд имен, стоявших под договорами 911 и 944 гг., на деле мог принадлежать континентальным германцам [Романчук, 2017, с. 247, 250, 252].

Мы также касались этого вопроса, выделяя в составе указанных имен ряд древненемецких (пользуясь терминологией Э. Фёрстмана) антропонимов [Виноградов 2018, с. 113–117]. Вместе с тем подробный анализ этих групп антропонимов в указанном контексте, насколько известно, не производился, следствием чего и является закрепившееся у немало числа исследователей мнение о якобы сплошном скандинавском доминировании среди представителей «рода Руссаго» X в. На самом деле ситуация, как заметно уже по договору 911 года, является далеко не столь однозначной.

Таким образом, с учетом вышеуказанных латинских и древненемецких этнических вариантов (при преимуществе именных вариантов перед прозвищными), в списке 911 г. только 3 из 15 антропонимов (Фарлофъ, Руалдъ, Руаръ) имеют скорее скандинавское, чем иное прочтение.

Таблица 2
Table 2Имена из договора 911 года
Names from the 911 Treaty

	Древнесеверные, скандинавские	Древненемецкие, немецкие
Карлы	Karli	Carli, Karli
Ингегельдъ	IngeldR/IngjaldR	Ingeld
Фарлофъ	Farláfr	
Веремудъ	Vermundr	Werimodus, Warmuod
Фрелавъ	Fridleifr	Frauileab, Frlieb
Рулавъ	HrúlfR, Hjör-leifR, Rollef	Roloff, Rohloff, Rotleu
Гуды	Guði/Gundi	Guda, Gudo
Руалдъ	HróaldR/HrúaldR	Rodoald
Карнь	Kam	Kaerin, Kaerni
Рюаръ	Hróarr/Hróarr	
Труанъ	Þrándr	Troannus
Лид(о)уль	LeiðóflR	Liudulf, Leottol
(Фостъ) [Полное собрание русских летописей 1846; С. 13] [Полное собрание русских летописей 1926; С. 24]	Fasti [Melnikova] [Циммерлинг] [Николаев]	Fast [Förstemann, 1856, col. 401, 416, 418, 484, 495, 530, 736, 742, 784, 874, 876–877, 1261, 421, 1199–1200] [Bach; s. 69, 73, 80] [Dictionary of American Family Names; p. 213, 215]

Не более «норманнским», на наш взгляд, является и список 944 г.

Таблица 3
Table 3Имена из договора 914 года
Names from the 914 Treaty

	Скандинавские	Древненемецкие
Вуефастъ	Vævast, Vifast	
Иворъ	Ivarr	Ibor
Иггивладъ	Ingivaldr	
Акунъ	Hákon	Acuin
Ут(инъ)	Udde, Otta	Utta, Utto
Шихъбернь	Sigbjørn	Siberin
Сфанъдръ	Svan-heiðr, Sveinaldr	
Егри		Egrih
Турд-уви	ÞórðR, Þórodda	
Фаст (ов), Арфаст-овъ	Arfast Arnfastr	Arfast, Arefastus
Гримъ	Grímr	Grim
Берн-овъ	Björn	Berno
Шибридъ	Sigfrøðr	Sibrath, Sichibert, Sinbret
Емигъ	Hemingr	Emig
Бруны	Brúni	Bruni
Алданъ	Hálfðann, Aldan	Aldan
Гунар-евъ	Gunnar	Gunnier, Hunnard
Фудри	Frydi	Thiodrih, Tudri
Гуд-овъ	Guði/Gundi	Guda, Gudo
Адунъ	Auðun	Auduin
Куци	Kúsi (прозвище)	Chuzzo



Окончание табл. 3

	Скандинавские	Древненемецкие
Адулбъ	Auðúlfr	Odulbis
Фрутанъ	*Fróðun(n)	Frutuin
Мутуръ		Muotar
Коль	Kolr	Colo
Стегги	Steggi?	Staugis
Етон-овъ	Jötunn (прозвище)	
Тудковъ	ThodeRe	Duttke, Tiedeke
Кары	Kári	Caro, Caris
Стирь	Styrr	Stier
Свѣнь	Sveinn	Sueno
Турьбернь	Þorbjörn	
Сфирък-овъ	Sverkirr, Sverrir	
Клековъ	Klakka (прозвище)	
Алвадь	Alfvaldr, Alwad	Alwald
Вузлѣвъ (Вузл-ѣвъ?)	Guðleifr	Wozil, Wuzelin
Аминод-овъ	Amundr	Amino
Олѣбъ	Oláfr, Oleiffr	Olef
Фрастенъ	Freysteinn	
Гунастръ	Gunnfastr	
Игельдь	IngeldR/IngjaldR	Ingeld
Турьбидь [Полное собрание русских летописей, 1846, с. 20] [Полное собрание русских летописей 1926, с. 34]	Þórvidr [Melnikova, 2004] [Циммерлинг, 2012] [Николаев, 2017]	[Förstemann, 1856, s. 19, 20, 58, 81, 115, 179–180, 224, 279, 233, 283, 317, 319, 360, 401, 547, 784, 935, 760, 935, 970–971, 1102, 1088–1089, 1123, 1124, 1132, 1300]

Результаты и их обсуждение

С учетом вышесказанного, а также того, что отдельные имена, например, Апубкаръ (Пубьксаръ), остаются неэтимологизированными, не более одной шестой части всего списка (составляющего, за исключением повторов, около семи десятков имен) раскрывается скорее в скандинавском ключе. При этом, как и в предыдущем списке, многие имена имеют равнозначное, или часто скорее континентально-германское, чем скандинавское прочтение. Но даже если все «равнозначные» имена приписать скандинавам (что будет серьезной натяжкой), все равно последние не получают твердого большинства ни в первом, ни во втором списке. Данный вывод интересен при сравнении с антропонимией первых русских князей. На наш взгляд, и там скандинавские этимологии не являются убедительными, они скорее уступают латинским [Виноградов, 2020a]. Однако и древненемецкие (вне зависимости от их этимологии) Rurih и Sinigus, отмеченные А.А.Романчуком [Романчук, 2017, с. 250–251], заслуживают внимания.

Те же корни, возможно, имеют и другие антропонимы, отмеченные в древнерусской истории: *Дир* (Dichr, Dirr), *Асмуд* (Haasmot), *Икмор* (Hincmar, Igmarr) [Förstemann, 1856, s. 337, 637, 780] и др.

На наш взгляд, изучение имен русских фигурантов договоров не может быть отделено от изучения соционимов, связанных со сложной иерархией древнерусской элиты, отмеченной приближенным Константина Багрянородного при изучении свиты княгини Ольги [Constantini Porphyrogeniti, p. 594–598]: в данном случае, «светлых и великих князей», «великих бояр», «купец» (купцов) и др. Некоторые исследователи полагают, что в

списке имен присутствуют и скрытые, по ошибке принятые за антропонимы и искаженные соционимы: так, в списке 911 г. вместо *Карлы* якобы следует читать *ярлы*, т. е. скандинавская знать [Chrzanowski, 2006, s. 13].

Мы считаем, что предположения о скрытых соционимах не лишены оснований, и к их числу, возможно, принадлежит *Прастгънъ*, более всех – трижды – как бы настойчиво повторяемое «имя», которое едва ли не труднее всех этимологизируется – во всяком случае в общегерманском контексте. По нашему мнению, здесь нельзя не обратить внимание на близость упомянутой формы с соционимами, которыми латиноязычные франкские источники характеризовали «варварскую» элиту окраин и пограничья Каролингской империи (например, представители ободритов в IX в. именовались как *meliores tamen ac graestantiores* [Annales regni Francorum, 1895, p. 171] – «лучшие или выдающиеся» (лат. *praestans*, старорум. *praestan* – «передний, выдающийся»). Употребление рядом с термином как будто посессивной формы *Бернов* может быть вызвано ошибкой переводчика, понявшего соответствующим образом германское имя *Berno* или *Bernovinus*.

Так же и *Фурстенъ* является практически точным фонетическим аналогом термина *Fürsten*, обозначавшим (во множественном числе) высшую знать во франкских королевствах, т. е. бывшего немецкой калькой латинского *princeps* – буквально «первые», «принцы», «князья». То, что «князья» стоят ниже «купцов», объяснимо в контексте упомянутой теории В.И. Кулакова о том, что древнейшая Русь выросла, по сути, из торговой корпорации. *Fürsten* может относиться к носителям упомянутых рядом с этим термином имен: *Роалдъ* и *Гунастръ*.

В этой связи нельзя не обратить внимание на указания источников о франкских связях Руси. Конечно, к ряду из них, в частности о франкских мечах русов [Путешествие Ибн-Фадлана, 1939, с. 79] или о том, что Рюрик с братьями и дружиной пришли «от немец» [Фомин, 2005, с. 343], следует отнестись критически: они могут быть трактованы как неопределенные в силу широкого распространения каролингского оружия в Европе и расширительного смысла понятия «немец» в ряде русских летописей. Однако ряд данных, свидетельствующих о связях Древней Руси именно не со скандинавами, а с континентальными германцами, все же носит вполне прямой характер и подтверждает приведенные выше антропонимические данные.

В частности, на происхождение Руси от франков (*Frāγγov*) указывала Хроника Псевдо-Симеона [Theophanes Continuatus, 1838, p. 707]. По мнению А.А. Горского, на самом деле речь могла идти о франкском культурном влиянии на предков русских князей и лиц из их окружения во время их пребывания в империи Каролингов, которое давало им возможность выводить себя «от франков» «в широком смысле этого понятия». Русы Рюрика, «видимо, относились к наиболее «франкизированной» на тот момент группировке выходцев из Скандинавии», и, таким образом, в IX–X вв. в Восточной Европе имело место «воздействие франкской государственности на процессы государствообразования у восточных славян» [Горский, 2012, с. 20–21].

Скептически оценивая версию о Руси как «франкизированных» скандинавах, мы, однако, считаем, что само предположение о континентальных германцах, косвенно или напрямую повлиявших на генезис Древней Руси, имеет под собой основания. Так, А.В. Назаренко путем сложных вычислений пришел к выводу о том, что базовая единица денежно-весовой системы Древней Руси – гривна (известная со времен краткой редакции «Русской Правды» начала XI в.) – является точным аналогом «тяжелого» солида, обращавшегося в юго-восточной провинции франкских владений – Баварском герцогстве [Назаренко, 2001, с. 142].

Такие заимствования в древнерусском словаре, как *ябетник* («должностное лицо, судья»), *скот*, («имущество, деньги»), которым зачастую приписывается скандинавское происхождение, с не меньшим успехом может исходить из франкских или саксонских наречий (*ambahti*, *skat/sket*).



В свою очередь древнейший свод русских законов – «Русская правда», как считал Н.П. Павлов-Сильванский, отличался «разительным сходством с правом германским», вплоть до деталей: виры, денежных наказаний за телесные повреждения, ордалий, судебного поединка, брачных обрядов, рабства должника и института сотских – *centenaries* (хотя и пытался объяснить это общими древними, чуть ли не индоевропейских времен, традициями) [Павлов-Сильванский, 1924, с. 47, 51]. Однако, как не раз отмечалось, «Русская правда» и во всяком случае «правды» саксов и тюрингов (VIII и даже IX в.) были очень сильно удалены по времени от эпохи индоевропейской общности. Сходство древнерусских законов с т. н. «варварскими правдами» франков, бургундов, саксов и т. д. отмечал Л.К. Гётц [Goetz, 1910, s. 83, 98, 123, 176–179, 228, 255–263]. Н.Д. Иванишев указывал, что «Русская правда» «продолжает развивать принятые ею германские начала», и это принятие связано с тем, что «народ германского происхождения явился среди коренных жителей России», при этом отмечая сходство законов этих германцев с Салической и Рипуарской правдами франков [Иванишев, 1876, с. 66–68]. Традиция возводить начала Руси к германцам проявлялась не только в летописных «немецъ». Так, Иван Грозный рассказывал о происхождении своей династии от баварского рода и соционим *бояре* возводил к *Wojagus* «баварец» [Rüssow, 1845, s. 154, 335] [Карамзин, 1821, с. 52 (II)].

Континентально-германские связи Руси приводят к серьезным противоречиям в норманистских концепциях. Так, на основании анализа многих западных источников А.В. Назаренко подошел к выводу о древневерхненемецких корнях этнонима «Русь», но принять этот вывод исследователь не смог, т. к. на его взгляд, он «резко противоречит всей сумме фактов об истории Руси IX в» [Назаренко, 2001, с. 35], т. е. традиционному набору аргументов норманистов (которого данный автор, хотя и с существенными оговорками, придерживается).

Е.А. Мельникова, комментируя рассказ о посажении родственников и мужей Рюрика в славянских и мерянских племенных центрах, ссылается на давнюю идею В.Т. Пашуто, по которому раздача городов Рюриком являлась, «по сути, раздачей ленов», состоявших из права на сбор даней («уроков»), и проводит аналогию с норманном Роллоном, получившим по Сен-Клерскому договору в лен Руан и его окрестности [Мельникова, 2008, с. 25]

Однако нетрудно заметить, что Роллон получил руанский лен от франков, имевших к тому времени развитую систему сюзеренно-вассальных отношений, отсутствовавшую у слабо феодализованных скандинавов. В свою очередь Рюрик и его команда не могли заимствовать ленную систему у восточных славян и чуди, еще только выходявших из родового строя. Стало быть, именно сами варяги должны рассматриваться как инициаторы внедрения ленных порядков в Восточной Европе, но в таком случае эти варяги по указанной причине вряд ли были скандинавами.

В контексте вышеперечисленного уже не кажется простой ошибкой появление в первом русском переводе Хроники Георгия Амартола этнонима *франки* на *варяги*. Вместе с тем гипотеза о франкском влиянии на становление Древней Руси, безусловно, нуждается и в дополнительных обоснованиях, и в ряде серьезных уточнений. Так, известие Бертинских анналов о посольстве народа *Rhos*, принятом Людовиком Благочестивым в 839 г. [Annales Bertiniani, 1883, p. 19], недвусмысленно показывает, что сами франки ранее ничего не слышали об этих *Rhos/русах*. При этом большинство отмеченных выше фактов свидетельствуют о связях Руси не только с франками в их узком конкретном смысле, а и с германскими народами, лишь постепенно вошедшими в орбиту державы Каролингов: баварцами, бургундами, саксами и др., а период этих связей может быть крайне размыт.

К этому следует добавить, что и принцип двоевластия, отмеченный арабскими авторами у русов (их хакан на самом деле номинальный верховный правитель, основная власть у его «заместителя») имеет параллели с административной традицией, существовавшей у франков и бургундов, которыми правили, по сути, не короли, а майордомы (что



зафиксировано в хрониках как принцип *Regnante rege, gubernante majore domus*). Однако она относится ко временам Меровингов, VII–VIII вв., т. е. до эпохи Карла Великого.

Заключение

Тем не менее, на наш взгляд, вышеизложенное позволяет сделать определенные выводы, главным из которых является то, что преобладающее среди исследователей ранней Руси мнение о преимущественно скандинавском характере антропонимов, зафиксированных в русско-византийских договорах, не находит достаточного подтверждения. Данный корпус имен относится в значительной мере к континентально-германскому именованию, что вкупе с зафиксированными в тех же источниках латинскими антропонимами, а также административными, правовыми и социальными параллелями между Древней Русью и германской Западной Европой подводит к мысли, что ядро летописной Руси составлял этнос не скандинавского, а западноевропейского происхождения, франков, по в принципе верному выражению А.А. Горского, «в широком смысле этого понятия».

Список источников

1. Полное собрание русских летописей. 1926. Т. I. М.-Л. АН СССР: 379.
2. Полное собрание русских летописей. 1846. Т. I. СПб, Тип. Э. Праца, XX, II: 269.
3. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. 1939. Под ред. И.Ю. Крачковского. М.-Л. АН СССР: 194.
4. *Annales Bertiniani*. 1883. Recens. G. Waitz. Hannoverae, Impensis bibliopolii Hahniani: X, 173.
5. *Annales regni Francorum inde AB A. 741 usque ad a. 829*. 1895. Hannoverae, Hahn: XX, 204.
6. *Constantini Porphyrogeniti imperatoris de ceremoniis aulae Byzantinae*. 1839. Bonnae: ed. Weberi: LXII+807.
7. Rüssow B. 1845. *Livländische Chronik*. Reval, Koppelson: X+348.
8. *Theophanes Continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus*. 1838. Bonnae, E. Weber. – 952.

Список литературы

1. Виноградов А.Е. 2020а. Антропонимия первых русских князей и происхождение династии Рюриковичей. *Via in tempore. История и политология*, 47 (3): 309–317.
2. Виноградов А.Е. 2018. В поисках начальной Руси. Латинский след в русском этногенезе. М., Ломоносовъ, 256.
3. Виноградов А.Е. 2020б. О «росских» названиях днепровских порогов в *De administrando imperio*. *Вестник Костромского Государственного Университета*. Том 26. 3: 7–13.
4. Горский А.А. 2012. Формирование русской государственности и «призвание Рюрика». В сб. 1150 лет российской государственности и культуры. Материалы к Общему собранию РАН. М., АИЦ Наука: 11–23.
5. Иванишев Н.Д. 1876. *Сочинения*. Киев, Тип. Университета Св. Владимира: V, 451.
6. Карамзин Н.М. 1821. *История государства Российского*. СПб., тип. Н.И. Греча, т. IX: 471+ 298.
7. Костомаров Н.И. 1860. *Начало Руси*. СПб, 32.
8. Крохин В. *Начало русского государства в свете новых данных*. 1930. Париж, Поволоцкий, 58.
9. Кузьмин А.Г. 2003. *Начало Руси*. М., Вече, 432.
10. Кулаков В.И. 1999. Балтийский вариант движения викингов. *Stratum plus*. 5: 148–152.
11. Кулаков В.И. 2003. *История Пруссии до 1283 года*. М., Индрик, 432.
12. Максимович М.А. 1841. Письмо к издателю. *Москвитянин*. Ч.3. 5: 198–211.
13. Мельникова Е.А. 2008. Укрощение неукротимых: договоры с норманнами как способ их интегрирования в инокультурных сообществах. *Древняя Русь и вопросы медиевистики*. 2 (32): 12–26.



14. Михеев С.М. 2008. Варяжские князья Якун, Африкан и Шимон: литературные сюжеты, трансформация имен и исторический контекст. Древняя Русь и вопросы медиевистики. 2 (32): 27–32.
15. Назаренко А.В. 2001. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., Языки русской культуры, 784.
16. Николаев С.Л. 2017. К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северогерманского (скандинавского) происхождения в Повести временных лет. Вопросы ономастики. Т. 14. 2: 7–54.
17. Павлов-Сильванский Н.П. 1924. Феодализм в Древней Руси. Пг., Прибой, 160.
18. Пчелов Е.В. 2020. Варяжские имена первых русских князей. Novogardia. 1: 308–317.
19. Романчук А.А. 2017. Варяжский антропонимикон ПВЛ (до середины X в.) и антропонимикон скандинавских рунических надписей: сравнительный анализ. Ex Ungue Leonem. Сб. статей к 90-летию Л.С. Клейна. СПб., Нестор-История: 245–255.
20. Стефанович П.С. 2013. Правящая верхушка Руси по русско-византийским договорам X в. Труды Института российской истории РАН. Т. XI: 19–57.
21. Фомин В.В. 2005. Варяги и варяжская Русь. М., Русская панорама, 488.
22. Циммерлинг А.В. 2012. «Имена варяжских послов в Повести временных лет». Режим доступа: [https://www.academia.edu/12953687/_Имена_варяжских_послов_в_Повести_временных_лет_\(дата_обращения:_18.08.2021\).](https://www.academia.edu/12953687/_Имена_варяжских_послов_в_Повести_временных_лет_(дата_обращения:_18.08.2021).)
23. Bach A. 1952. Deutsche Namenkunde. Heidelberg, C. Winter. Bd. 1 T. 1: XX+ 331.
24. Chrzanowski W. 2006. Kronika Slowian: Wielkie Morawy, Kraj Wiślan, Czechy 805–955. Kraków – Bratislava, Egis, 317.
25. Dictionary of American Family Names. 2003. Ed. P. Hanks. N.Y., Oxford Univ. Press, v. 1: 1356.
26. Dictionnaire historique de l'anthroponymie romane. 2004. t. II/I. Tübingen, M., Niemeyer: IX + 806 col.
27. Duczko W. 2010. Skandynawowie w Europie Wschodniej okresu wikingów. Wędrowka I etnogeneza w starożytności I średniowieczu / red. M. Salamon, J. Strzelczyk. Kraków, T.W. «Historia Jagellonica»: 291–298.
28. Förstemann E. 1856. Altdeutsches Namenbuch. Nordhausen, F. Förstemann, 1400 col.
29. Goetz L.K. 1910. Das Russische Recht (Русская правда) Bd. 1 Stuttgart F. Enke, 328.
30. Melnikova E.A. 2004. The lists of Old Norse personal names in the Russian-Byzantine treaties of the Tenth Century. Studia anthroponymica scandinavica. (Uppsala) Bd. 22: 5–29.
31. Panzer B. 2002. Language contact during the Old Nordic Period with Eastern Baltic. The Nordic Languages: An International Handbook of the History of the North Germanic Language v. I. Berlin-New York, W. De Gruyter: 1039–1045.
32. Thomsen V. Der Ursprung des Russischen Staates. Gotha, F.A. Perthes, 1879, 156.

References

1. Vinogradov A.E. 2020a. Antroponimiya pervykh russkikh knyazey i proiskhozhdenie dinastii Rurikovichej [Anthroponymy of the first Russian princes and the origin of the Rurik dynasty]. Via in tempore. Istoriya i politologiya, 47 (3): 309–317 (in Russian).
2. Vinogradov A.E. 2018. V poiskah nachal'noj Rusi. Latinskij sled v russkom etnogeneze [In search of initial Russia. Latin trace in Russian ethnogenesis]. Moscow, Lomonosov, 256 (in Russian).
3. Vinogradov A.E. 2020b. O «rosskikh» nazvaniyah dneprovskih porogov v De administrando imperio [On the «Russian» names of the Dnieper rapids in De administrando imperio]. Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Tom 26. 3: 7–13 (in Russian).
4. Gorskiy A.A. 2012. Formirovanie russkoj gosudarstvennosti i «prizvanie Rurika». [Formation of Russian statehood and the «vocation of Rurik»]. V sb. 1150 let rossijskoj gosudarstvennosti i kul'tury. Materialy k Obshchemu sobraniyu RAN. Moscow, AITs Nauka: 11–23 (in Russian).
5. Ivanishev N.D. 1876. Sochineniya [Works]. Kiev, Tip. Universiteta Sv. Vladimira: V+ 451. (in Russian).
6. Karamzin N.M. 1821. Istoriya gosudarstva Rossijskogo [History of Russian Government]. SPb., tip. N.I. Grecha, 182. 1 t. IX.: 471+298 (in Russian).



7. Kostomarov N.I. 1860. Nachalo Rusi [The beginning of Russia]. SPb., 32 (in Russian).
8. Krokhin V. 1930. Nachalo russkogo gosudarstva v svete novyh dannyh [The beginning of the Russian state in the light of new data]. Paris, Povolotskii, 58 (in Russian).
9. Kuzmin A.G. 2003. Nachalo Rusi [The beginning of Russia]. Moscow, Veche, 432 (in Russian).
10. Kulakov V.I. 1999. Baltijskij variant dvizheniya vikingov [Baltic version of the Viking movement] *Stratum plus*, 5: 148–152 (in Russian).
11. Kulakov V.I. 2003. Istoriya Prussii do 1283 goda [History of Prussia until 1283]. Moscow, Indrik, 432 (in Russian).
12. Maksimovich M.A. 1841. Pis'mo k izdatel'nyu [Letter to the publisher] *Moskvityanin*. Part 3. 5: 198–211 (in Russian).
13. Melnikova E.A. 2008. Ukroshchenie neukrotimyh: dogovory s normannami kak sposob ih integrirovaniya v inokul'turnyh soobshchestvah [The taming of the indomitable: agreements with the Normans as a way of integrating them in foreign cultural communities] *Drevnyaya Rus' i voprosy medievistiki*. 2 (32): 12–26 (in Russian).
14. Mikheev S.M. 2008. Varyazhskie knyaz'ya Yakun, Afrikan i Shimon: literaturnye syuzhety, transformaciya imen i istoricheskij kontekst [Varangian princes Yakun, African and Shimon: literary plots, transformation of names and historical context] *Drevnyaya Rus' i voprosy medievistiki*. 2 (32): 27–32 (in Russian).
15. Nazarenko A.V. 2001. Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnyh putyakh. Mezhdisciplinarnye ocherki kul'turnyh, torgovyh, politicheskikh svyazej IX–XII vekov [Ancient Russia on international routes. Interdisciplinary sketches of cultural, trade, political ties of the 9th – 12th centuries]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury, 784 (in Russian).
16. Nikolaev S.L. 2017. K etimologii i sravnitel'no-istoricheskoi fonetike imen severogermanskogo (skandinavskogo) proiskhozhdeniya v Povesti vremennyh let [On the etymology and comparative-historical phonetics of the names of North German (Scandinavian) origin in the Tale of Bygone Years] *Voprosy onomastiki*, t. 14. 2: 7–54 (in Russian).
17. Pavlov-Silvansky N.P. 1924. Feodalizm v Drevnej Rusi [Feudalism in Ancient Russia]. Petrograd, Priboj, 160 (in Russian).
18. Pchelov E.V. 2020. Varyazhskie imena pervyh russkih knyazej [Varangian names of the first Russian princes]. *Novogardia*, 1: 308–317 (in Russian).
19. Romanchuk A.A. 2017. Varyazhskij antroponimikon PVL (do serediny X v.) i antroponimikon skandinavskih runicheskikh nadpisej: sravnitel'nyj analiz [Varangian anthroponymicon PVL (until the middle of the 10th century) and anthroponymicon of Scandinavian runic inscriptions: a comparative analysis] *Ex Ungue Leonem. Sb. statej k 90-letiyu L.S. Klejna SPb., Nestor-Istoriya*: 245–255 (in Russian).
20. Stefanovich P.S. 2013. Pravyashchaya verhushka Rusi po russko-vizantijskim dogovorom X v. [The ruling elite of Russia according to the Russian-Byzantine treaties of the 10th century]. *Trudy Instituta rossijskoj istorii RAN*. t. XI: 19–57 (in Russian).
21. Fomin V.V. 2005. Varyagi i varyazhskaya Rus' [Varangians and Varangian Rus']. Moscow, Russkaya panorama, 488 (in Russian).
22. Zimmerling A.V. 2012. «Imena varyazhskih poslov v Povesti vremennyh let» [«The names of the Varangian ambassadors in the Tale of Bygone Years»]. – URL: [https://www.academia.edu/12953687/Имена_варяжских_послов_в_Повести_временных_лет_\(In_Russian\)](https://www.academia.edu/12953687/Имена_варяжских_послов_в_Повести_временных_лет_(In_Russian)).
23. Bach A. 1952. *Deutsche Namenkunde*. Heidelberg, C. Winter, Bd. 1 T. 1: XX+331.
24. Chrzanowski W. 2006. *Kronika Slowian: Wielkie Morawy, Kraj Wislan, Czechy 805–955*. Kraków – Bratislava, Egis, 317.
25. *Dictionary of American Family Names*. 2003. / Ed. P. Hanks. N.Y., Oxford Univ. Press. v. 1.: 1356.
26. *Dictionnaire historique de l'anthroponymie romane*. 2004. t. II/I. Tübingen, M. Niemeyer. IX +403 (806 col).
27. Duczko W. 2010. Skandynawowie w Europie Wschodniej okresu wikingow // *Wędrowka I etnogeneza w starożytności I średniowieczu* / red. M. Salamon, J. Strzelczyk. Kraków, T.W. «Historia Jagellonica»: 291–298.
28. Förstemann E. 1856. *Altdeutsches Namenbuch*. Nordhausen, F. Förstemann, 700 (1400 col).



29. Goetz L.K. 1910. *Das Russische Recht (Русская правда)* Bd. 1 Stuttgart F. Enke, 328.
30. Melnikova E.A. 2004. The lists of Old Norse personal names in the Russian-Byzantine treaties of the Tenth Century. *Studia anthroponymica scandinavica*. (Uppsala) Bd. 22: 5–29.
31. Panzer B. 2002. Language contact during the Old Nordic Period with Eastern Baltic. *The Nordic Languages: An International Handbook of the History of the North Germanic Language*. v. I. Berlin-New York, W. De Gruyter: 1039–1045.
32. Thomsen V. 1879. *Der Ursprung des Russischen Staates*. Gotha, F.A. Perthes, 156.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Виноградов Алексей Евгеньевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь, г. Москва, Россия

Aleksey E. Vinogradov, PhD in History, Independent Researcher, Moscow, Russia